

УДК 94.510(02)."2"
DOI 10.52452/19931778_2021_2_40

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В КИТАЕ II–III вв. н.э. В ТРУДАХ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

© 2021 г.

М.В. Медоваров, Ю. Чжун

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

mmedovarov@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.10.2020

Рассмотрен вклад советских историков в изучение социально-политического кризиса Китая II–III вв. Проанализированы дискуссии о типе формации китайского общества периодов Восточной Хань, Троецарствия, Западной Цзинь. Обоснована значимость проблемы военных поселений и надельной системы как ключевых вопросов социально-экономической истории Китая, рассматривавшихся советскими историками. Уделено внимание первым попыткам написания этнической истории Китая переходного периода.

Ключевые слова: Восточная Хань, Троецарствие, Западная Цзинь, военные поселения, надельная система, советская историография, Николай Конрад, Лев Гумилев, Владимир Малявин.

На первый взгляд, советская историография уделяла недостаточно внимания переломному периоду в истории Китая на стыке древности и Средних веков – концу империи Восточная Хань, Троецарствию и началу Западной Цзинь (II–III вв.). «Этот период удивительно малопопулярен в отечественной и мировой историографии», – отмечает С.В. Дмитриев [1, с. 174]. С.Р. Кучера констатирует низкий интерес к данному периоду и среди китайских исследователей [2, с. 58]. Им вторит Д.Э. Борисов [3, с. 97]. Цель настоящего исследования – выявить спектр проблем истории Китая этой эпохи, решавшихся советскими и российскими историками, и оценить степень успешности их решения. Из соображений объема мы вынуждены ограничиться рассмотрением социально-политического и социально-экономического аспекта, абстрагировавшись от вопросов демографии и истории культуры.

Долгое время на первый план выходила проблема определения формации, к которой относилось китайское общество III века. В 1920–30-е гг. среди советских китаеведов абсолютно доминировало мнение о том, что Китай начиная с эпохи Чжоу и до XX века был феодальным обществом (мнение об особом «азиатском способе производства» осталось маргинальным). Исключением являлась лишь работа К.А. Харнского, который говорил о переходе к феодализму лишь в III–VI вв. н.э. Когда к 1940 г. сторонники «вечного китайского феодализма» были репрессированы, точка зрения Харнского и Л.И. Думана возобладала. С тех пор отнесение Троецарствия к «раннему Средневековью» стало общим местом в советской историографии, что было подкреплено аналогичным мнением

киотской школы японских историков [4]. Вплоть до 1980-х гг. абсолютное большинство советских историков работало именно в данной парадигме, считая социальный кризис II–III вв. границей двух формаций.

В коллективном труде под редакцией Шан Юэ в 1959 г. делался акцент на классовой борьбе крестьян в период правления евнухов во II в., довольно подробно излагалась история «желтых повязок» [5, с. 111–114]. История междоусобиц 189–196 гг. излагалась в этом труде очень кратко. Реформа Цао Цао по созданию военных поселений и закреплению крестьян оценивалась положительно, как единственный выход в тогдашних условиях [5, с. 114–117]. Сжато, но последовательно Шан Юэ излагал историю войн Цао Цао и его преемников, констатировал внедрение военных поселений не только в Вэй, но также в У и Шу, хотя и в меньших масштабах [5, с. 119–120]. Был изложен общий ход войн между Тремя царствами, а также с окружавшими их племенами. Отмечалось, что «недостаток рабочей силы и непрекращающиеся войны, которые вели между собой три царства... тормозили восстановление и развитие земледелия» [5, с. 121]. У Шан Юэ подробно описаны уничтожение ханьских городов и возврат к натуральному хозяйству, в то же время отмечалось внедрение на Юге более эффективных северных техник земледелия. Внедрение удельной системы Сыма Янем, фактически разделившим Китай между своими родственниками, оценивается в данной книге крайне отрицательно, подчеркивается голодное положение народа на фоне эфемерной роскоши цзиньской элиты [5, с. 127–129].

В очерках Р.Ф. Итса и Г.Я. Смолина (1961 г.) акцент делался на классовой борьбе «желтых повязок» до и после 184 г., подчеркивалось, что еще до них имели место 67 крестьянских восстаний [6, с. 72], а после – восстания Чжан Лу в Ханьчжуне и «Армии Черной горы» Чжан Яна (оба были подавлены войсками Цао Цао). При этом Итс и Смолин вообще не упоминали о главных событиях политической истории данной эпохи – о переворотах и войнах с 189 по 220 гг. Они хвалили Чжугэ Ляна за меры по поддержке крестьян и национальных меньшинств, отмечали, что после его смерти царство Шу потеряло свои преимущества. Царство У советские историки осуждали как якобы реакционное и военно-рабовладельческое. Что касается царства Вэй, то Итс и Смолин отмечали положительные результаты реформ Цао Цао для крестьян. Наиболее позитивно они оценивали реформу Сыма Яня по введению наделной системы в 280 г., считая, что она облегчила положение народа, привела к массовой иммиграции в Цзинь, к подъему сельского хозяйства и росту населения. Однако данный тезис вызван случайной опечаткой: авторы прибавили лишний ноль к населению в 8–16 млн чел. и получили фантастические 80 и 160 млн [6, с. 85]. Что касается культуры III века, то Итс и Смолин ограничились утверждением о «протокоммунистической» идеологии «желтых повязок» и о «материалисте» Пэй Вэе.

В 1968 г. Л.В. Симоновская утверждала, что «современные китайские историки датируют начало феодальной эпохи по-разному – от XI до IV века до н.э.» [7, с. 13], однако на самом деле «феодальный уклад... получил больше возможности для развития в социально-экономическую формацию уже после падения рабовладельческой Ханьской империи. Однако рабовладельческий уклад сохранялся в феодальном Китае на протяжении многих веков» [7, с. 13]. Взаимоисключающие тезисы в трех предложениях подряд свидетельствовали о беспомощности советского историка причислить Китай II–III веков к какой-либо формации. Вся политическая история Китая с 184 по 280 гг. в изложении Симоновской уместилась на полстраницы. Основное внимание было уделено экономике и классам, «сильным домам» и их наемным бандам. Надельная реформа Сыма Яня трактовалась как свидетельство отката к натуральному хозяйству и сокращения населения в 3.5 раза. В условиях закрепощения, постоянного неурожая и голода, соперничества «сильных домов» с государством такая система была обречена на падение, полагала Симоновская [7, с. 14–15]. При этом бюрократическую структуру китай-

ского общества историк называла чисто феодальной, и даже даосизм – «новой феодальной религией» [7, с. 19–31]. Данный труд представлял собой пример вульгаризации марксизма и формационной схоластики при почти полном игнорировании политической и культурной истории данного периода.

Л.В. Симоновская скончалась в 1972 г., но в последующие годы ее тексты продолжали издаваться и переиздаваться, например, в 1974 г. – с дополнением Л.С. Переломова, который называл эпоху Поздней Хань временем становления феодального уклада и воспринимал категории зависимого населения (бинькэ и буцуй) как крепостных издольщиков [8, с. 44], хотя тут же цитировал документы II века о десятках тысяч рабов у «сильных домов». Обличая жесткое подавление восстания «желтых повязок», он лишь одной фразой намекал на фактическое падение империи Хань в 189 г., не объясняя, что же именно произошло в это время [8, с. 48–49]. С этого момента, по словам Симоновской – автора следующей главы, «освободились элементы феодальных отношений» [8, с. 51] при сохранении пережитков рабства. О политической истории Троецарствия в написанной ею главе говорится несколько слов (при этом содержится откровенная ложь в фактах о Цао Цао). Детальнее, чем в труде 1968 г., описывалась цзиньская (но не вэйская) наделная система [8, с. 51–53].

В обновленном издании 1987 г. «китайские» главы покойной Симоновской были отредактированы З.Г. Лапиной. Скучный раздел о падении Хань и Троецарствия был перепечатан без изменений (сохранилось и упоминание о феодализме), зато раздел об аграрных отношениях и наделной системе был сокращен втрое и стал совершенно невнятным [9, с. 12–15, 18]. При описании социальной структуры Китая III–VII вв. лишь в самом начале употреблялось слово «феодализация», в дальнейшем о ней речи уже не было. Разделы о религии и культуре были расширены, но из них исчезло упоминание о «феодальной религии» как явно одиозное [9, с. 32–37].

Иная точка зрения была представлена в трудах академика Н.И. Конрада. В 1957 г. он отмечал наличие разных взглядов среди историков на то, к какой формации относилась империя Хань, однако Троецарствие считал феодальным периодом. Восстание «желтых повязок» академик трактовал как взрыв недовольства всех эксплуатируемых классов. Конрад отмечал, что уже Цао Цао стремился превратить пустоши (*гун тянь*) в государственные земли, однако лишь при Сыма Яне этот проект был воплощен в жизнь. Конрад придерживался старой точки зрения на существование двух частей надела:

для собственного пользования и для несения повинностей. По мнению историка, к началу IV в. отработочная рента исчезла, целиком возобладало взимание продуктовых налогов. По мнению Конрада, именно экстремальные условия смут и нашествий позволили превратить государственную собственность на землю, занимавшую незначительное место при Хань, в господствующую систему землепользования [10].

В 1974 г. был посмертно издан труд Конрада «Надельная система в Китае», составленный на основе его лекций 30-х годов. В нем автор подчеркивал основополагающее значение переходного периода III–VII вв. для всей последующей истории Китая. Черты этой эпохи, по Конраду, «по своей природе глубоко отличны от тех, на которых зиждился строй Ханьской империи» [11, с. 114]. Речь идет прежде всего о системе уравнильного землепользования (*цзюнь тянь*), заложенной цзиньской реформой 280 года и достигшей пика в VII в. Конрад настаивал на том, что Сыма Янь не просто составил план реформы, но и воплотил ее в жизнь, а все последующие правители лишь корректировали ее. Предпосылкой введения надельной системы историк считал разорение и опустошение Китая в конце II–III вв., при этом, однако, допустив грубую ошибку в указаниях на численность населения [11, с. 116, 119]. Академик доказывал, что крах денежного хозяйства и переход Вэй на прямой товарообмен с 221 г. свидетельствовали о глубочайшем экономическом упадке и вынуждали наследников Цао Цао прикреплять крестьян не просто к земле, но и к определенным видам работ (ткачеству, шелкопрядству). Советник Сыма Лан убеждал Цао Цао возродить порядки времен Чжоу: «В настоящее время после всех беспорядков население рассеялось, и у земли нет более хозяина. Таким образом, вся земля обратилась в государственную. Поэтому и надлежит воспользоваться этим случаем и восстановить колодезную систему» [11, с. 120].

Однако, по мнению Конрада, речь была не о возврате к древности, а об искусственной организации общин на бесхозных землях – процессе, оформившемся лишь при Сыма Яне, чью надельную систему историк рассматривал подробно, но считал ее незавершенной даже к IV веку [11, с. 121–125]. Академик называл ее систематической формой феодальной эксплуатации крестьян государством после того, как с этим не справились помещики – системой, положительно сказавшейся на подъеме производительных сил в сельском хозяйстве [11, с. 152–156]. Однако поскольку надельная система несла в себе диалектическое противоречие, ста-

вя препоны дальнейшему развитию, по мере роста населения и особенно элит она была обречена на распад к VIII в. [11, с. 157–161]. Здесь Конрад предвосхищал выводы современных клиодинамистов, особенно математические модели П.В. Турчина [12, с. 195–197, 217–229], С.А. Нефедова [13], А.В. Коротаева и др. [14, с. 69–71, 102–120].

Исследования Конрада о становлении надельной системы и аграрных отношений получили в советской науке недостаточное развитие. А.Ю. Тюрин, несмотря на название своей монографии, применительно к III веку ограничился несколькими цитатами из указа Сыма Яня 280 года в приложении, отказавшись от их анализа [15]. Этот анализ, однако, произвел другой советский историк, А.А. Бокщанин, который в 1980 г. с большой осторожностью говорил о чертах феодализма в Китае с III в., указывая на нерешенность этого вопроса в историографии [16, с. 10–11]. Историк подчеркивал беспрецедентный размах и длительность усобиц и распада Китая с 189 г. на части, контролируемые военачальниками и «сильными домами». Крайне осторожно Бокщанин оценивал и снижение численности населения, вслед за Конрадом не доверяя налоговым переписям. Милитаризация и натурализация хозяйства при Троецарствии, гражданская война 290–306 гг., по мнению ученого, окончательно разрушили ханьский социально-экономический строй [16, с. 12]. Бокщанин характеризует конец Хань и Троецарствие как эпохи, когда крестьяне массово отдавали себя под покровительство «сильным домам» и становились зависимыми категориями населения (бинькэ, ишикэ, буцзюй, дьянкэ). Чтобы хоть как-то пополнить казну в этих условиях, сначала Цао Цао в царстве Вэй прибег к системе военных поселений, а затем его примеру последовали царства Шу и У, отмечал историк [16, с. 14]. Однако налог в 50–60% урожая был слишком тяжел, крестьян часто заменяли государственными рабами. Поэтому в 280 г. Сыма Янь ввел систему гражданских поселений, известную как надельная система (*чжань тянь*). При этом Бокщанин отмечал разногласия между Симоновской и Конрадом насчет степени распространения надельной системы на Юг [16, с. 15–16]. Интерпретация Бокщаниным размеров надела при Сыма Яне не в 70 + 50 му, а в 50 + 20 му стала новым словом в советской синологии [16, с. 19–20].

Спустя тридцать лет А.А. Бокщанин изменил свои оценки данного исторического периода. В работе 2010 г. он дал краткий очерк политической истории Троецарствия, подчеркнув нестабильность военных режимов, непрочность си-

стемы присвоения «деревенских категорий» чиновникам после Цао Цао [17, с. 103–104]. Бокшанин отметил деурбанизацию, натурализацию хозяйства, отмену монеты в Вэй с 221 г. как основные черты эпохи. По его мнению, государственные военные поселения (*тунь тянь*) в царствах Вэй, У, а затем Цзинь охватывали 80% податного населения к 269 г. Невыносимость чрезмерных норм эксплуатации в них привела к реформе 280 г. и созданию надельной системы (*чжань тянь*) с барщиной и оброком. При этом Бокшанин вернулся к старой интерпретации наделов как 70+50 му для мужчин, 30+20 му для женщин. По вопросу о распространенности надельной системы он повторил точку зрения Симоновской: «Наиболее вероятно, что она практиковалась в районах, окружавших столицу, а также на многих землях бывших государственных поселений. В южные же районы страны она проникла тогда еще очень слабо» [17, с. 108].

В 1973–1981 гг. вышел ряд сборников по истории Китая, в некоторых из них вскользь затрагивалась интересующая нас эпоха. Это было связано с оживившейся с 1956 г. и достигшей апогея к началу 1970-х гг. дискуссией о способах производства. Точка зрения об «азиатском способе производства» как отдельной формации не получила сколь-нибудь серьезной поддержки среди советских китаеведов, а споры между ними были связаны с разными датировками перехода от рабовладения к феодализму либо же с предложением объединить эти две формации (для всего мира) в одну «аграрную». Наиболее плодовитый сторонник последнего варианта В.П. Илюшечкин, отрицая какую-либо разницу между рабами и крепостными, утверждал, что в восстании «желтых повязок» на равных участвовали крестьяне и рабы, но ни к никакой «социальной революции» оно не привело [18, с. 84, 93, 96]. По мнению историка, вплоть до конца Троецарствия в Китае продолжала господствовать частная собственность и частная докапиталистическая рента, а государственная рента-налог появилась только по реформе 280 г. и просуществовала в очень ограниченной форме менее 500 лет [19, с. 34–39]. Илюшечкин считал, что в Китае всегда господствовали крупное землевладение и аренда в форме издольщины, при этом сохранялась личная свобода крестьян, однако были и рабы, а в III–V вв. их стало даже больше [20, с. 41–47]. Впрочем, резкий тон Илюшечкина, оскорблявшего своих оппонентов, снижал ценность его аргументации.

Один из этих оппонентов, В.Н. Никифоров, в 1977 г. доказывал рабовладельческий характер строя Древнего Китая, основанного якобы на абсолютном преобладании частной собствен-

сти с некоторыми общинными пережитками. Наличие императорской собственности на землю он отрицал [21, с. 208–209]. Надельную систему III–VII веков историк трактовал как период перераспределения собственности и перехода от рабства к крепостничеству, затянувшегося на тысячу лет с кульминацией именно в III в., что обосновывалось количеством и размахом восстаний и усобиц в это время [21, с. 216–218, 221–222, 233–234]. Перед смертью в 1990 г. Никифоров частично признал правоту Илюшечкина и успел закончить краткий курс истории Китая. Об интересующем нас периоде там сказано немного. По мнению Никифорова, сначала евнухи сыграли положительную роль, избавив Ханьскую империю от влияния клик императриц, но вскоре сами погрязли в бюрократизме. «Быть евнухом стало особо выгодно; не было отбоя от желающих подвергнуться кастрации», – замечает историк [22, с. 137]. Характерна неприязнь Никифорова к конфуцианству и внимание к росту влияния даосов и буддистов. Противоречиво мнение историка об «эфемерном расцвете денежной экономики» [22, с. 141] при преобладании натурального хозяйства в конце эпохи Хань. «Желтых повязок» Никифоров причислял к моистам и приписывал им коммунистические взгляды [22, с. 142]. Историк следовал «народным» симпатиям к Лю Бэю и его побратимам, к Чжугэ Ляну. Признавая новаторство Цао Цао в организации военных поселений, его заслуги в поэзии [22, с. 146], Никифоров все равно называл его коварным злодеем и угнетателем крестьян, не привнесшим «ничего радикально нового» [22, с. 146] в идеологию и устройство империи. «Военные поселения... экономически ближе стоят к рабовладельческим, чем к феодальным формам» [22, с. 146], – провозглашал Никифоров, противопоставляя их надельной системе. Итогом эпохи II–III вв. он назвал «крушение старой цивилизации на севере» и «сохранение еще молодой, полной сил цивилизации на юге» [22, с. 148].

Своеобразный синтез традиционного классового и новаторского экологического и демографического подхода к истории китайского крестьянства предпринял в 1980-е гг. А.С. Мугрузин, одним из первых в Советском Союзе заговоривший о неизбежности демографического коллапса в конце каждого китайского цикла по мере распашки всех имеющихся земель. Историк отмечал особенности растительной диеты китайцев, вынужденной в условиях скудного пропитания, отсутствия лесов и пастбищ. «На всем облике сельской местности в Китае лежит печать многовекового обременительного давления населения на землю», – писал Мугрузин [23,

с. 13]. В этих условиях, подчеркивал он, производительность труда каждого китайца падала и с лихвой восполнялась огромным количеством населения на малой площади, которое за летний сезон должно было вырастить пропитание на целый год. Правда Мугрузин не мог обосновать конкретными расчетами свою гипотезу о неизменной производительности труда в Китае на протяжении двух тысяч лет подряд. Тем не менее он выделял пять демографических циклов с классическими фазами подъема, расцвета, упадка и катастрофы [23, с. 22–27]. К II–III вв. относился конец второго цикла: кратковременный расцвет городов, куда бежали обездоленные крестьяне, и обнищание работавших в кабальных условиях ремесленников, сливавшихся с деревенскими пауперами [23, с. 28–32]. Конец цикла ознаменовался отсутствием средств в казне на борьбу с повстанцами и кочевниками. Чрезмерная рента с земли заставляла крестьян уходить в банды. Для смены формаций, как в Европе, по мнению историка, должны были вырваться противоречия внутри производительных сил, но в Китае они не успевали сформировываться ранее конца мальтузианского цикла: «В недрах старого не вызревало формационно нового – ни нового хозяйственного уклада, ни новой социальной системы» [23, с. 39].

Из трудов Мугрузина следует, что заложенная в III–IV вв. надельная система *цзюнь тянь* стала венцом реального воплощения в истории древнего идеала «колодезной системы» *цзинь тянь*, причем наиболее последовательно огосударствление земли как средства производства и изъятие прибавочного продукта путем взимания ренты-налога было проведено в Северном Китае, где доминировали государственные крестьяне, в то время как на Юге всегда были «лазейки» для роста землевладения «сильных домов». «Существование частного землевладения позволялось в определенных пределах при условии бесперебойного функционирования государственной налоговой системы... За данной системой следует признать роль основного структурообразующего элемента традиционного аграрного строя», – делал вывод историк [24, с. 46, 42].

Работы Мугрузина и Никифорова оказались одними из последних советских трудов, осмысливших историю Китая II–III вв. в рамках формационной теории. В 1970–80-е гг. появились фундаментальные работы, свободные от ее ограничений. Первой из них стала книга Л.Н. Гумилева «Хунны в Китае». С.С. Беляков отмечает, что «история создания этой книги и ее место в научном наследии Гумилева не вполне ясны» [25, с. 496]. Более того, по его словам, это «академическое исследование сей-

час страшно читать» [25, с. 497], книга «увлекательная и очень страшная» [25, с. 497], хотя ее научное значение «выше, чем у всей степной трилогии» [25, с. 497]. Период II–III вв. в восприятии Белякова сводится к тому, что «великий Китай слабел от внутренних смут, дворцовых интриг и коррупции, всегдашней спутницы бюрократических империй» [25, с. 498].

Мысли Гумилева о закате Восточной Хань и о Троецарствии гораздо богаче, чем это представляется таким эпигоном, как Беляков. Недаром «Хуннов в Китае» положительно оценили М.П. Петров и Л.С. Васильев. Монография Гумилева не стала такой уж новинкой: еще в 1968 г. он опубликовал статью о Троецарствии. В ней он добросовестно излагал советским читателям политическую хронику событий в Китае с середины II в. до 280 г., опираясь, правда, лишь на роман Ло Гуаньчжуна, на устаревший труд Иакинфа Бичурина да на рефераты двух статей китайских историков 1950-х гг. Основной тезис Гумилева сводился к тому, что к 150 г. н.э. хунны были настолько ослаблены поражениями от Китая и засухой III в., что последующие успехи их и других кочевников в IV в. могут быть объяснены исключительно слабостью самого Китая. Причины этой слабости и упадка, по мнению Гумилева, дотоле не были поняты историками: «Общие фразы о кризисе феодализма не дают никакого представления о ходе событий и причинах победы фамилии Сыма, вскоре погубившей Китай» [26, с. 108]. Концепция Гумилева в этой статье сводится к следующему. Победа евнухов над конфуцианцами при последних ханьских императорах подорвала стабильность империи. Однако «даже перед лицом смертельной опасности, исходившей от евнухов, конфуцианцы оказались не в состоянии возглавить сопротивление; это сделали мистики-даосы, вбирившие в себя творческие и беспокойные элементы из крестьянской массы... Когда к этому добавились социальная ненависть, обида за века притеснений и несправедливостей, отвращение к чужеземным фаворитам, то гражданская война стала свершившимся фактом» [26, с. 112]. Гумилев рассматривал восстание «желтых повязок» как эсхатологическое, магическое движение, датируя его 184–205 гг. Делегация чрезвычайных военных полномочий губернаторам при подавлении восстания привела к развалу единого государства, к «бесчинству и разнузданности» [26, с. 114] солдат, вызвавшим «взрыв возмущения» [26, с. 114]. Гумилев рассматривал историю войн за объединение Китая, впервые дав возможность советскому читателю познакомиться с хронологией событий 189–220 гг. Гумилев первым дал яркую характери-

стику Цао Цао: «Он проигрывал битвы и выигрывал войны. Он легко мог пожертвовать жизнью друга или брата, если это было ему нужно, но не любил убивать понапрасну. Он широко практиковал ложь, предательство, жестокость, но и отдавал дань уважения благородству и верности, даже направленным против него» [26, с. 118].

Определенное внимание Гумилев уделил царству У – «естественной крепости» [26, с. 117] со старой «ученой элитой, наименее тронутой общим разложением» [26, с. 117]. Что касается царства Шу, то, по мнению историка, «успех Лю Бэя был обусловлен двумя причинами. Во-первых, близость с даосами привлекала к нему симпатии народных масс... Во-вторых, его даосские связи не рекламировались, и в глазах всего Китая он выступал как борец за идею империи Хань... Самому Лю Бэю и его братьям гораздо больше нравилось выступать в роли защитников империи, нежели во главе крестьянского восстания» [26, с. 121]. Впервые в советской историографии Гумилев дал внятный очерк различий социально-экономической политики Трех царств. Итогом столетия смут он считал гибель всех энергичных лидеров и превращение уцелевшего населения в «обезличенную массу», которой могло управлять даже «бездарное правительство» [26, с. 126], каковым и оказалась империя «молодых негодяев» [26, с. 126] Цзинь. В ней «на всех постах оказались совершенно беспринципные, аморальные проходимцы, делившие свое время между обиранием подданных и развратными попойками» [26, с. 127].

Спустя шесть лет в «Хуннах в Китае» Гумилев в очень сжатом виде повторит эти основные выводы, добавив лишь эпилог в виде констатации провала десятилетней аграрной реформы Сыма Яня, сразу же девальвированной раздачей крестьянских дворов в «феодалные» бенефиции «сильным домам» в зависимости от их ранга [27, с. 21–24]. Отмечая мир, царивший между китайцами и хуннами в III в., историк делал вывод о том, что на тот момент оба народа пребывали в глубоком упадке и новый цикл истории начался лишь в результате их смешения в IV–VI вв. в новый метисный этнос [27, с. 27–28, 232–234].

Таким образом, Лев Гумилев первым в советской историографии создал связный и внятный нарратив китайской социально-политической истории II–III вв. Критическая проверка достоверности данного нарратива стала делом последующих историков. В 1979 г. увидел свет третий том уникального издания по этнической истории китайцев. Применительно к интересующему нас периоду были высказаны важные тезисы М.В. Крюковым и В.В. Малявиным.

По словам Крюкова, в III–VI вв. резко изменились тенденции этнических процессов в Китае [28, с. 3]. На труд Гумилева Крюков обрушился с резкой критикой, назвав устаревшими его представления о данной эпохе как о периоде сплошной разрухи и смуты и отметив достижения науки и искусства тех лет [28, с. 6–7]. Историк указывал, что темпы появления новых городов на единицу площади в эти века даже достигли максимума, прежде всего в Северном Китае, однако противоречил сам себе, на соседней странице заявляя, что в II–IV вв. города там были разрушены и страна опустела [28, с. 111–114]. В то же время впервые в советской историографии М.В. Крюков дал развернутое описание источников по данной эпохе, сетуя на их ограниченность и недостаточность [28, с. 11]. В главе о материальной культуре Китая историк лишь упомянул отдельные примеры быта и техники II–III вв. [28, с. 125–129, 134, 159, 167].

Критикуя Гумилева, Крюков ставил под сомнение засухи и холода как основную причину проникновения кочевников в Китай. Он сделал акцент на экономической привлекательности Северного Китая, куда во II в. переселялись сюнну и цяны, а с конца III в. – южные народы ицзу и мяо-яо [28, с. 69–73]. Подробно историк рассмотрел войны Суней в царстве У с горными юэ в низовьях Янцзы [28, с. 78–79]. Переселения самих китайцев в период смуты конца Хань были направлены, по Крюкову, на юго-восток, на запад и частично в Ляодун [28, с. 75]. Совершенно иначе сложилась этническая история Сычуани, где сотни тысяч китайских переселенцев времен Чжугэ Ляна постепенно растворились среди местного населения, положив начало народности бай [28, с. 82–84]. Крюков даже писал о «плавильном котле II–VI веков» [28, с. 273–274], в котором ханьцы смешались с соседними этносами. Но, в отличие от Гумилева, он называл северных и южных китайцев двумя субэтносами нового средневекового китайского этноса [28, с. 279–280].

Возможно, наиболее важный вклад в историческую науку внесли аргументированные Крюковым подсчеты численности населения Китая II–III вв. на основе критической переоценки переписей и всей современной историографии, однако детальное рассмотрение данного вопроса выходит за рамки настоящей статьи [28, с. 60–68].

В том же коллективном труде раздел по политической истории был написан В.В. Малявиным. Описанию конца империи Хань он уделил лишь одну страницу, зато впервые в советской историографии Малявин назвал конкретные цифры по военным поселениям при Цао Цао и

осветил его политику по отношению к хуннам и корейцам [28, с. 16, 21, 109]. Любопытны приводимые Малявиным сведения о римско-китайских торговых связях в Троецарствие, а также о поэзии данного периода [28, с. 104–105, 194, 197].

Что касается введенной Цао Цао системы отбора чиновников по талантам и присуждения «деревенских категорий» (*сянтинь*) «беспристрастными и прямыми» *чжунчжэнами*, то Малявин счел ее неэффективной и быстро превратившейся в орудие местных группировок. «К концу III в. девять деревенских категорий переродились в систему феодального местничества, обеспечивавшую автоматическое назначение на должность по родовитости», – указывал историк, отмечая пагубную роль новой знати в распаде Китая IV века [28, с. 16]. Не менее яркие характеристики Малявин дал царству Шу, павшему в результате противоречий между засильем местной верхушки и имперскими амбициями Чжугэ Ляна и династии Лю. О царстве У историк говорил: «Государство Суней являлось военной диктатурой ряда северных полководцев в союзе с несколькими крупнейшими кланами Цзяннани, а политика их определялась бурным процессом колонизации Юга, требовавшей постоянного притока рабочих рук» [28, с. 19]. Однако и это царство в течение полувека разложилось по вине «крупного землевладения и его неизменного спутника торгово-ростовщического капитала» [28, с. 19]. Правление объединителя Китая Сыма Яня Малявин называет «затишьем перед бурей», когда альянс чиновников, торговцев и ростовщиков душил народ под лозунгом «Великого процветания». Раздел империи на уделы в последние годы жизни Сыма Яня предопределил падение Западной Цзинь.

Социальную историю Китая II–III вв. Малявин охарактеризовал как процесс феодализации. По его мнению, «сильные дома» после развала империи Хань приватизировали государственные функции в свою пользу, превратив крестьян в зависимых от себя «гостей» (*бинькэ*). «Они не только выросли численно и обзавелись собственным семейным войском, но и взяли на себя организующую роль в обществе», – указывает Малявин, ссылаясь на то, что «деревенские вожди» после 189 г. сами создавали собственные армии и устные законы [28, с. 39]. Что касается «подлого люда» (*цзяньминь*), то в целом Малявин приравнивал бинькэ и других зависимых людей к крепостным [28, с. 41]. Становится непонятно: как вся эта «частная» феодализация соотносится с надельной системой 280 года? Малявин полагает, что это была мера противодействия «сильным домам» с целью закрепить

за государством хотя бы часть «добраго люда», но на обширные частные владения магнатов и сановников она не распространялась. «Надельная система, не уничтожив существующего крупного частного землевладения, положила начало процессу интеграции крупных земельных собственников в рамках единой бюрократической структуры», – делает вывод историк [28, с. 43]. Что касается простого народа, то Малявин отмечает исчезновение в III в. деревенской общины и замену прежних «сел» новыми «селениями» (*тунь*), организованными по принципу разбойничьей шайки – «рассеянной общины», положенному в основу средневековой китайской цивилизации [28, с. 45]. Обратной стороной данного процесса Малявин считает усиление роли кланов (*цзуньцзу*), ослабление патриархальной семьи и исключительное значение «личного долга» при карьерном продвижении.

Предметом особого внимания Малявина стала причина, по которой даже в периоды войн и смут рыцарский идеал не прижился в китайской культуре. Такой причиной стало формирование оппозиционного к ханьским властям слоя ученых-ши, культивировавших идеал уединенного отшельника и выносивших «деревенские суждения» или «чистую критику». Хотя на Юге этого слоя не было, именно северные «ши» стали основой новой китайской элиты [28, с. 50–59, 192–193].

Исключительно значим очерк Малявина о роли даосизма в кризисе II–III вв. Автор отмечает упадок традиционных форм деревенской религии, на смену которым в конце Восточной Хань пришли мессианские секты с религиозной экзальтацией. Зачастую их членами были некитайские южных народности, особенно в Сычуани. Малявин выделял два направления в эволюции мистического даосизма. Если после разгрома «Желтых повязок» – приверженцев секты «Великого равенства» Чжан Цзюэ – их последователи ушли в подполье, мечтая о приходе «совершенного государя», то секта Чжан Лина и Чжан Лу «Пять доу риса» превратилась в теократическое государство, признавшее в 215 г. власть Цао Цао и получившее широкую автономию. Под названием секты «небесных учителей» их общины просуществовали до XX в. [28, с. 174–177]. «Капитуляция Чжан Лу перед Цао Цао имела огромное значение для судеб новой религии. Впервые движение, выросшее из активного неприятия существующего строя, признало возможность союза со светской властью», – пишет историк [28, с. 176]. Лидеры даосов стали «учителями государства» (*го ши*), встроившись в новую политическую систему. Что касается буддизма, то в данный период он был распространен еще слабо.

В 1983 г. Малявин издал первую советскую монографию о закате Восточной Хань – «Гибель древней империи» (в 2007 г. переиздана под названием «Империя ученых» с добавлением вводной главы). Вопрос о формациях в истории Китая историк называл дискуссионным. В качестве примеров он ссылался на Л.С. Васильева (теория «государственного способа производства»), В.П. Илюшечкина и венгра Ф. Текеи – автора теории «азиатской собственности», понимаемой как сращение торгового капитала, помещичьего землевладения и государственной бюрократии. Отличительной особенностью труда Малявина является его глубокое знание японской историографии 1950–70-х гг. социально-экономической истории Китая [29, с. 372–376; 30, с. 211–216]. Западные труды он привлекал в меньшей степени, в основном о восстании «желтых повязок».

По мнению Малявина, в условиях недостаточной теоретической разработанности истории Китая и династических циклов важно детальное изучение отдельных эпох, из которых кризис II–III вв. он называет одним из самых важных. «Сами обстоятельства этой катастрофы не совсем обычны, – указывает историк. – Беспрецедентный накал политической борьбы и политической агитации среди верхов общества, с одной стороны, грандиозное религиозное движение и восстание народа – с другой, придают событиям исключительный драматизм» [29, с. 7]. Малявин выражал надежду, что полученные результаты его исследования «будут способствовать пониманию своеобразия и общих закономерностей исторического развития Китая» [29, с. 8]. Львиная доля монографии посвящена, однако, социальной истории ханьского периода: коммерциализации бюрократии, становлению плутократического государства, подрывавшего общину, полтора века дворцовых интриг и переворотов. Демографический кризис историк локализовал лишь в восточных провинциях, которые были главным очагом восстаний II в. [29, с. 177–189].

В центре внимания Малявина оказались мировоззрение и поведение ученого сословия «ши» как главного носителя кризисного сознания, как класса, приведшего империю к гибели и доходившего до прямых контактов отшельников с повстанцами. В четвертой главе монографии показано, как восстание 184 г. напугало обе фракции элиты, но все равно привело к развалу центральной системы управления. Власть на местах стали брать местные лидеры «сильных домов» и военачальники, уезды (*сяны*) начали замыкаться в натуральном хозяйстве. Именно под этим углом зрения Малявин рассматривал

гражданские войны 189–196 гг. и причины необычайных успехов Цао Цао, выдвигавшего способных людей и привлекавшего на свою сторону бывших оппонентов из числа «ши» [29, с. 315–320]. Вершиной нового вэйского курса стала реформа, разработанная Чэнь Цюнем, по которой все чиновники были разделены на девять фиксированных рангов, определявших не начальный уровень, а наивысший «потолок» их должностей. Уровни присваивались комиссией *чжунчжэнов* («беспристрастных и прямых») на основе местного общественного мнения: «Новый порядок выдвижения на службу представлял не что иное, как огосударствленную форму практики “деревенских оценок” провинциальной элиты» [29, с. 332]. Но век вэйской меритократии был недолог. Сыма Янь превратил высшее чиновничество первых двух рангов в замкнутую наследственную аристократию империи Цзинь. Так родилась средневековая аристократическая культура Китая, которая на протяжении следующих веков станет всё более формализованной. «История аристократии есть история превращения аморфного слоя местных магнатов в круг бюрократической элиты, до некоторой степени независимой от императорской власти», – констатирует Малявин [29, с. 348].

По мнению исследователя, Китай, начиная с эпохи Чжоу, на тысячи лет «застрял» в промежуточной двойственной формации, сочетавшей самые передовые и рациональные методы управления с законсервированным архаичным обликом местных уездных обществ, где «сильные дома» подчинили себе общину и выступали от имени «деревни» с патриархальной идеологией. Эта двойственность, по мысли Малявина, погубила одновременно евнухов и их противников-«ши» в катастрофе 189 года. Тем не менее, ученая аристократия II–III вв. все-таки «подготовила почву для воссоздания имперского строя на новой основе» [29, с. 346]. По словам историка, «разрыв между местным обществом и империей сделал невозможным появление в Китае феодального сословия в его классическом виде и породил средневековую китайскую аристократию, обусловив ограниченность ее исторических потенций» [29, с. 350; 30, с. 192]. Крайне важным представляется следующий вывод Малявина: «Несмотря на то, что возвышение “сильных домов” знаменовало собой процесс феодализации китайской империи, несмотря на ряд черт, сближающих послеханьский период китайской истории с историей раннесредневековой Европы (натурализация хозяйства, ослабление центральной власти, нашествие кочевников, распространение мировых религий), в Китае не сложилось феодально-

го общества, подобного европейскому, как никогда не существовало в нем и ничего подобного рабству в античном мире Запада. Исторический процесс в Китае следует, очевидно, описывать в иных категориях» [29, с. 346].

Таким образом, на протяжении тридцати лет с конца 50-х до конца 80-х гг. XX в. советские историки значительно продвинулись вперед в социально-экономическом анализе событий в Китае II–III вв. Споры о формациях и их датировке зашли в тупик, однако не были бесплодными, поскольку стимулировали глубокое изучение проблемы собственности на землю в Китае, перехода к «надельной системе» и ее сущности, причин необыкновенного размаха народных восстаний и междоусобиц с II по VI в. В конечном счете отечественные историки пошли по пути вдумчивого анализа политической, этнической, демографической, культурной истории конца империи Хань и Троецарствия, подчас опережая в своем анализе западных и китайских коллег. Тем не менее для постсоветского периода можно констатировать относительный спад интереса к социально-экономической проблематике и заметный рост числа работ по военной и политической истории, а также по демографическим циклам и культуре Китая II–III вв.

Список литературы

1. Дмитриев С.В. Общество и государство в Китае // Восток. 2016. № 3. С. 173–176.
2. Кучера С.Р. Падение Восточной династии Хань в освещении Хоу-Хань шу // Общество и государство в Китае. XXXII научная конференция. М.: Восточная литература, 2002. С. 57–77.
3. Борисов Д.Э. Кризис 189–196 годов в империи Поздней Хань // Общество и государство в Китае. XLV научная конференция. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. С. 97–112.
4. Кравцова М.Е. К проблеме Средневековья в Китае // Verbum. Вып. 12. Диспозиции Средневековья в истории мировой культуры. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. С. 72–93.
5. Очерки истории Китая с древнейших времен до «опиумных войн» / Под ред. Шан Юэ. М.: Изд-во восточной литературы, 1959. 579 с.
6. Итс Р.Ф., Смолин Г.Я. Очерки истории Китая с древнейших времен до середины XVII века. М.: Учпедгиз, 1961. 216 с.
7. Симоновская Л.В. Развитие феодальных отношений в Китае в III–VII веках // История стран Азии и Африки в средние века / Под ред. Л.В. Симоновской, Ф.М. Ацамба. М.: Изд-во ННГУ, 1968. С. 13–36.
8. История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л.В. Симоновская, М.Ф. Юрьев. М.: Наука, 1974. 534 с.
9. Симоновская Л.В., Лапина З.Г. Китай в период раннего средневековья // История стран Азии и Африки в средние века / Ред. колл. Ф.М. Ацамба, З.Г. Лапина, М.С. Мейер. Ч. 1. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 12–39.
10. Конрад Н.И. Развитие феодальных отношений в Китае (III–VIII вв.) // Всемирная история. Т. 3. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1957. С. 25–27.
11. Конрад Н.И. Надельная система в Китае // Конрад Н.И. Избранные труды. История. М.: Наука, 1974. С. 114–161.
12. Турчин П.В. Историческая динамика: На пути к теоретической истории. М.: ЛКИ, 2010. 368 с.
13. Нефедов С.А. Опыт моделирования демографического цикла // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2002. Вып. 29. С. 131–142.
14. Коротаев А.В., Комарова Н.Л., Халтурина Д.А. Законы истории: Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны. М.: КомКнига, 2007. 256 с.
15. Тюрин А.Ю. Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае в III–VIII веках. М.: Наука, 1980. 196 с.
16. Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье (разделы «Ши хо чжи» из династийных историй) / Под ред. А.А. Бокщанина. М.: Наука, 1980. 256 с.
17. Бокщанин А.А., Непомнин О.Е., Степугина Т.В. История Китая: древность, средневековье, новое время. М.: Восточная литература, 2010. 599 с.
18. Илюшечкин В.П. Проблемы второй основной стадии развития общества в свете истории Китая // Китай: общество и государство (сборник статей). М.: Наука, 1973. С. 78–100.
19. Илюшечкин В.П. О господствующих способах эксплуатации в древнем и средневековом Китае // Китай: государство и общество: Сборник статей. М.: Наука, 1977. С. 29–45.
20. Илюшечкин В.П. К вопросу о формационной характеристике древнего и средневекового общества в Китае // Социальная и социально-экономическая история Китая: Сборник статей. М.: Наука, 1979. С. 25–51.
21. Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М.: Наука, 1977. 360 с.
22. Никифоров В.Н. Очерк истории Китая. II тысячелетие до н.э. – начало XX столетия. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2002. 448 с.
23. Мугрузин А.С. Роль природного и демографического факторов в динамике аграрного сектора средневекового Китая (к вопросу о цикличности докапиталистического воспроизводства) // Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока (сборник статей). М.: Наука, 1986. С. 11–44.
24. Мугрузин А.С. Формы эксплуатации крестьянства в средневековом Китае // Народы Азии и Африки. 1983. № 5. С. 42–52.
25. Беляков С.С. Гумилев, сын Гумилева. М.: ЭКСМО, 2013. 800 с.
26. Гумилев Л.Н. Троецарствие в Китае // Доклады отделений и комиссий Географического общества

- СССР. Л.: Географическое общество СССР, 1968. Вып. 5: Этнография. С. 108–127.
27. Гумилев Л.Н. Хунны в Китае: Три века войны Китая со степными народами III–VI вв. М.: Наука, 1974. 260 с.
28. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979. 327 с.
29. Малявин В.В. Империя ученых. М.: Наука, 2007. 384 с.
30. Малявин В.В. Гибель древней империи. М.: Европа, 1983. 225 с.

SOCIO-POLITICAL CRISIS IN CHINA IN II–III CENTURIES AD IN THE WORKS OF SOVIET AND RUSSIAN HISTORIANS

M.V. Medovarov, Y. Zhong

The article is devoted to the contribution of Soviet historians to the study of the socio-political crisis of China in the second – third centuries AD. Discussions about the type of formation of Chinese society under Eastern Han, Three Kingdoms and Western Jin are analyzed. The importance of the problem of military settlements and allotment system as key issues in the socio-economic history of China, considered by Soviet historians, is substantiated. Attention is paid to the first attempts to write the ethnic history of China in the transitional period.

Keywords: Eastern Han, Three Kingdoms, Western Jin, military settlements, allotment system, Soviet historiography, Nikolay Konrad, Lev Gumilev, Vladimir Malavin.

References

1. Dmitriev S.V. Society and the state in China // East. 2016. No. 3. P. 173–176.
2. Kucera S.R. The Fall of the Eastern Han Dynasty in the light of Hou-Han Shu // Society and the State in China. XXXII scientific conference. M.: Vostochnaya literatura, 2002. P. 57–77.
3. Borisov D.E. The crisis of 189–196 in the Late Han Empire // Society and the State in China. XLV Scientific Conference. M.: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2015. P. 97–112.
4. Kravtsova M.E. On the problem of the Middle Ages in China // Verbum. Vol. 12. Dispositions of the Middle Ages in the history of world culture. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2010. P. 72–93.
5. Essays on the history of China from ancient times to the «opium wars» / Ed. Shang Yue. M.: Publishing House of Oriental Literature, 1959. 579 p.
6. Its R.F., Smolin G.Ya. Essays on the history of China from ancient times to the middle of the XVII century. M.: Uchpedgiz, 1961. 216 p.
7. Simonovskaya L.V. The development of feudal relations in China in the III–VII centuries // History of Asian and African countries in the Middle Ages / Ed. by L.V. Simonovskaya, F. M. Atsamba. M.: Publishing House of the UNN State University, 1968. P. 13–36.
8. History of China from ancient times to the present day / Ed. by L.V. Simonovskaya, M.F. Yuriev. M.: Nauka, 1974. 534 p.
9. Simonovskaya L.V., Lapina Z.G. China in the Early Middle Ages // History of the countries of Asia and Africa in the middle ages / Ed. call. F.M. Azamba, Z.G. Lapin, S.M. Meyer. Part 1. M.: Izd-vo MGU, 1987. С. 12–39.
10. Conrad N.I. The development of feudal relations in China (III–VIII centuries) // The world history. Vol. 3. M.: State publishing house of political literature, 1957. P. 25–27.
11. Conrad N.I. Allotment system in China // Conrad N.I. Selected works. History. M.: Nauka, 1974. P. 114–161.
12. Turchin P.V. Historical dynamics: On the way to theoretical history. M.: LKI, 2010. 368 p.
13. Nefedov S.A. Experience of modeling the demographic cycle // Information bulletin of the Association «History and Computer». 2002. Issue 29. P. 131–142.
14. Korotaev A.V., Komarova N. L., Khalturina D.A. Laws of history: Century cycles and thousand-year trends. Demography, economy, wars. M.: KomKniga, 2007. 256 p.
15. Tyurin A.Yu. The formation of the feudal-dependent peasantry in China in the III–VIII centuries. M.: Nauka, 1980. 196 p.
16. Materials on the economic history of China in the early Middle Ages (sections «Shi ho zhi» from dynastic stories) / Ed. by A.A. Bokshchanin. M.: Nauka, 1980. 256 p.
17. Bokshchanin A.A., Nepomnin O.E., Stepugina T.V. History of China: Antiquity, Middle Ages, New time. M.: Vostochnaya literatura, 2010. 599 p.
18. Ilyushechkin V.P. Problems of the second main stage of the development of society in the light of the history of China // China: society and the state (collection of articles). M.: Nauka, 1973. P. 78–100.
19. Ilyushechkin V.P. On the dominant modes of exploitation in ancient and medieval China // China: state and society: Collection of articles. M.: Nauka, 1977. P. 29–45.
20. Ilyushechkin V.P. On the question of the formational characteristics of ancient and medieval society in China // Social and socio-economic history of China: Collection of articles. M.: Nauka, 1979. P. 25–51.
21. Nikiforov V.N. East and World History. M.: Nauka, 1977. 360 p.
22. Nikiforov V.N. An essay on the history of China. II millennium BC – the beginning of the XX century. M.: Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, 2002. 448 p.
23. Mugruzin A.S. The role of natural and demographic factors in the dynamics of the agricultural sector of medieval China (to the question about the recurrence of pre-capitalist reproduction) // Historical factors of social reproduction in the East (collection of articles). M.: Nauka, 1986. P. 11–44.

24. Mugruzin A.S. Forms of exploitation of the peasantry in medieval China // *The Peoples of Asia and Africa*. 1983. № 5. P. 42–52.

25. Belyakov S.S. *Gumilev, son of Gumilev*. M.: EKSMO, 2013. 800 p.

26. Gumilyov L.N. *Three Kingdoms in China* // Reports of departments and commissions of the Geographical Society of the USSR. L.: Geographical Society of the USSR, 1968. Vyp. 5: Ethnography. P. 108–127.

27. Gumilyov L.N. *The Huns in China: Three centuries of China's War with the steppe peoples of the III–VI centuries*. M.: Science, 1974. 260 p.

28. Kryukov M.V., Malyavin V.V., Sofronov M.V. *Chinese ethnos on the threshold of the Middle Ages*. M.: Science, 1979. 327 p.

29. Malyavin V.V. *The Empire of scientists*. M.: Science, 2007. 384 p.

30. Malyavin V.V. *The Death of the ancient Empire*. M.: Europe, 1983. 225 p.